

**НОЧЬ
ПЕРЕД
РОЖДЕСТВОМ**

ПО ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ

ЧАСТЬ I

Последний день перед рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Еще ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой.

Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле. Она поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе.

Скоро ведьма набрала их полный рукав. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться. По козлиной бороде, по небольшим рожкам и по тому, что весь он был не белее трубочкиста, можно было догадаться, что это черт.

Черт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись. Забежал с другой стороны, снова отскочил и отдернул руку. Вдруг схватил обеими руками месяц, кривляясь и дуя, поспешно спрятал в карман и побежал далее.

В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех.

Но какая же была причина решиться черту на такое незаконное дело? А вот какая: богатый козак Чуб приглашен дьяком на кутью. Его дочка, красавица на всем селе, останется дома, а к ней придет, наверное, кузнец, силач и детина хоть куда, которого черт ненавидел за то, что кузнец намалевал его на картине.

И черт решился украсть месяц, в надежде на то, что старый Чуб ленив и не легок на подъем. К дьяку же от избы не так близко: дорога шла по-за селом, и в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить Чуба с печки и вызвать из хаты. А кузнец при нем не отважится идти к дочке.

Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула. Черт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду.

— Так ты, кум, еще не был у дьяка в новой хате? — говорил Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому мужику. — Там теперь будет добрая попойка! Как бы только нам не опоздать... Что за дьявол! Смотри! смотри, Панас!.. месяца нет!

Чуб долго ворчал и бранился, раздумывая, на что бы решиться. Он бы и остался, если бы был один, но обоим не так скучно и страшно идти темною ночью, да и не хотелось-таки показаться перед другими ленивым или трусливым.

Что же делает, оставшись одна, красавица дочка? Оксане не минуло еще и семнадцать лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту, только и речей было, что про нее. Она была капризна. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, мало-помалу оставляли. Один только кузнец был упрям.

По выходе отца своего она долго еще принаряживалась и жеманилась и не могла налюбоваться собою. „Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? Лгут люди, я совсем не хороша... Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою!“

—Чудная девка!—прошептал вошедший тихо кузнец.
Тут Оксана увидела его, вскрикнула и сурово остановилась
перед ним.

—Зачем ты пришел сюда? Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою?.. Что, сундук мой готов?

—Будет готов, мое серденько. А как будет расписан! Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

— Кто ж тебе запрещает, говори и гляди! А правда ли, что твоя мать ведьма?

— Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и все, что им есть дорогого на свете.

„Не любит она меня,“ — думал про себя кузнец.
Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: „Отвори!“ — прервал его размышления.
— Постой, я сам отворю, — сказал кузнец и вышел в сени, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличился, и вверху сделалось холодно. Ведьма спустилась по воздуху, будто по ледяной горе, прямо в трубу. Черт таким же порядком отправился вслед за нею, и оба очутились в просторной печке между горшками.

Путешественница, увидевши, что никого не было в хате, вылезла из печки, скинула теплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездил на метле.

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою, но умела причаровать самых степенных козаков. Приветливее всего Солоха была с богатым козаком Чубом. А чтобы сын ее не подъехал к дочери Чуба и не успел прибрать себе богатство, она как можно чаще ссорила Чуба с Вакулой.

Черт влетел в трубу, нечаянно оборотился и увидел Чуба об руку с кумом. Винг вылетел он из печки и начал разрывать кучи замерзшего снега. Поднялась метель, а черт снова улетел в трубу, уверенный, что Чуб возвратится, застанет кузнеца и отпотчует его так, что он долго будет не в силах малевать обидные карикатуры.

Едва только поднялась метель, Чуб принялся угощать побранками себя, черта и кума. Путешественники повернули назад, но сквозь метущий снег ничего не было видно.

— Стой, кум! Мы, кажется, не туда идем. Свороти-ка немного в сторону, не найдешь ли дороги; а я тем временем поншу здесь.

Кум набрел прямо на шиннок и вошел в него. А Чубу показалось, что он нашел дорогу; видя, что кум не является, он решился идти сам.

Немного пройдя, увидел он свою хату. Хлопая намерзнувшими руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно дочери отпереть.

— Чего тебе тут нужно? — сурово закричал вышедший кузнец.

„Это не моя хата,—подумал Чуб,—в мою хату не забредет кузнец. Не скажу ему, кто я, чего доброго приколотит“—и, переменяв голос, он принялся браниться с Вакулою. Расстроенный Вакула, наградив его несколькими здоровенными толчками, захлопнул дверь.

Чуб остался на улице. Тут он сообразил, что Солоха, верно, одна, раз кузнеца нет дома, и, почесывая спину, отправился в другую сторону, приговаривая: „Больно поколотил проклятый кузнец!“

В то время, когда черт летал из трубы и потом снова в трубу, ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, растворилась, и месяц вылетел через трубу Солохиной хаты. Все осветилось. Метели как не бывало. Мороз как бы потеплел.

Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвонели, под редкою хатою не толпились колядующие.

Кучи девушек вломилась в хату Чуба, окружили Оксану.
— Э, Одарка! у тебя новые черевики! Ах, какие хорошне!
— Не тужи, моя ненаглядная Оксана, — сказал кузнец, — я тебе
достаюу такие черевики, какие редкая панночка носит.

— Ты? Посмотрю я, где ты достанешь черевики, которые бы я могла надеть на свою ногу. Разве принесешь те самые, которые носит царица... Будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесет те самые черевики, которые носит царица, я выйду за него замуж.

Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи.

**Но вдруг послышался голос дюжего головы. Солоха побежала
отворить дверь, а проворный черт влез в лежавший мешок.**

Голова, стряхнув с своих капельюх снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что не пошел к дьяку из-за метели и намерен провести вечер с Солохой.

Но тут раздался стук и голос дьяка. Солоха спрятала гостя в самый большой мешок из-под угля. Дьяк сообщил, что у него никого нет и он рад случаю *погулять* у нее.

Но не успел дьяк произнести несколько фраз, как послышался в дверь стук и голос козака Чуба. Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объемистый телом дьяк влез в него.

—Здравствуй, Солоха!—сказал Чуб. —Может быть, я помешал?..
Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь!.. может быть, ты кого-
нибудь спрятала уже, а?—И Чуб засмеялся, внутренне торжествуя,
что он один только пользуется благосклонностью Солохи.

—Отвори!—раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

—Это кузнец!—схватился за капелюхи Чуб.—Куда хочешь девай меня!

Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая, и, позабывшись, дала Чубу знак лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк.

Кузнец пришел весьма не в духе. Тут постучался козак Свербыгуз, и Солоха вывела его в огород. Кузнец увидел мешки, перевязал их крепче, бодро взвалил себе на плеча и вышел вон из хаты.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Укринновроника, Киев-133, Щорса, 18
Госкино УССР
№ 3532 III. 1988 г. Цена 30 коп.